

Как начинал маэстро Ниязи

Азербайджанский дирижер и композитор Ниязи (1912-1984) является одним из бессмертных символов азербайджанской музыкальной культуры. Народный артист СССР, герой Социалистического труда и лауреат двух Сталинских премий I степени - все это великий маэстро Ниязи.

Однако все эти годы за ним прочно стояла его супруга - Хаджар Гаджибекова. Без которой, как сам признавался в свое время маэстро, он бы не стал тем, кем стал.

Когда маэстро не стало, Х.Гаджибекова поделилась воспоминаниями о своем знаменитом супруге, начиная с того момента как они познакомились, до отношений Ниязи с другими известными личностями и жизнью с маэстро.

Как все начиналось? Хаджар Гаджибекова вспоминала, что в начале XX в. ее отец и мать переехали на жительство из Ирана в Баку, где у них родились сыновья Али-Искендер и Рашид. А сама Хаджар родилась в Краснодаре, куда ее отец был направлен на работу в качестве подрядчика на строительство железной дороги и где он в 1922 году скончался.

В 1925 году иранское правительство назначило моего старшего брата Али-Искендера агентом при консульстве в г. Армавире, а в 1928 г. - в г. Махачкале. Младший брат работал у него секретарем, а я после окончания медицинского училища один год проучилась в махачкалинском медицинском институте", - рассказывала она.

В то время город Махачкала был небольшим провинциальным городом с немногочисленной интеллигенцией. Все в этом городе хорошо знали друг друга и довольно часто общались.

"Однажды, где-то в конце 1931 года наш педагог по музыке рассказала, что вместе с ней в детском саду работает врач-азербайджанка по имени Бююкханум, приехавшая недавно из Баку. По словам педагога эта женщина не имеет в Махачкале родственников, поэтому очень тоскует. Мой старший брат пригласил Бююкханум в гости и с тех пор она стала часто приходить к нам", - вспоминала Х.Гаджибекова.

Накануне нового года Бююкханум пришла поздравить семью Хаджар вместе со своими сыновьями. - Ниязи, работавший в то время в Наркомпросе

Дагестана, и Чингизом обучившимся в Ленинграде. Они остались на ужин.

"Уже тогда по взглядам Ниязи я поняла, что ему понравилась. Это заметили и другие. Помню моя тогдашняя подруга Ольга Владимировна Клоцман, занимавшая впоследствии ответственные посты и ныне проживающая в Махачкале, шутила подтрунивала: "Смотри, малышка, ты кажется произвела впечатление!" После новогоднего ужина Ниязи стал приходить к нам чаще, и я почувствовала, что также увлеклась им. Это поняли мои братья и изменили отношение к Ниязи. Он перестал к нам ходить, и мы стали тайком переписываться", - вспоминала Хаджар Гаджибекова.

К концу 1932 года в ее семье заговорили о возможности переезда в Иран. Тогда Хаджар и Ниязи решили убежать и тайком пожениться. Однако план выполнить было тяжело - за Хаджар постоянно следили ее братья, да и куда бежать?

"В те годы Узеир и Зульфугар Гаджибековы жили очень и очень скромно, материально порой даже нуждались, квартира у Зульфугар-бека была маленькая, состояла лишь из одной комнаты. Но наше решение с Ниязи было твердым. Воспользовавшись кратковременными встречами в студенческом городке, мы судили план бегства. Ежедневно под видом занятий ко мне стали приходить мои подруги по институту и в своих студенческих

сумках постепенно выносить туфли, платья и другую мою одежду. Забегая вперед, скажу, что потом в течение нескольких лет я благодарилась за это: не скоро к нам пришли времена, когда мы смогли приобрести мне одежду. Накануне побега Ниязи позвонил к своему отцу, и тот посоветовал в первые дни после побега поселиться у его друзей в городе Агдаше", - рассказывала Хаджар Гаджибекова.

Она вспоминала число - 31 июля 1933 года, дата побега, которую супруги в дальнейшем стали отмечать как дату супружества.

"До того, как нам сесть в поезд, я проводила на детский спектакль "Красная шапочка" детей брата, а сама побежала на вокзал. В Агдаше нас встретил отец Ниязи. Надо сказать, что вся его семья ко мне очень хорошо отнеслась, помогала чем могла. Но прежде всего встал вопрос о регистрации брака. Паспорт мне перед побегом найти не удалось - его, видимо, спрятали мои братья, да и вообще, даже если бы он был, то зарегистрироваться было непросто: как и братья я тогда считалась ираноподданной. И вот тогда решили закрепить наш брак по старому обычаю: обратились к мулле А официально мы зарегистрировались много позднее, когда я получила советский паспорт", - вспоминала Х.Гаджибекова.

Однако потом стали возникать проблемы. Как вспоминала супруга будущего маэстро, положение было

тяжелым, как моральном, так и в материальном смысле. Плюс неустроенность быта.

"Скоро поняла в какое попала затруднительное положение, и моральное, и материальное. И, прежде всего, с чем я столкнулась - это с неустроенностью быта. После Агдаша шесть месяцев мы прожили в доме Зульфугар-бека по ул. Физули, 37. В одной комнате пять человек. Спали мы пока было лето и первое время осенью, на балконе. В дождливые дни укрывались клеенкой", - рассказывала она.

Потом молодоженам удалось сменить жилье. Но сильно легче от этого не стало.

"Один из друзей свекра помог нам найти и снять комнату на улице Басина. Тогда там были низкие, одноэтажные домики, связанные между собой системой узких и часто очень грязных дворов. Вход в нашу комнату был прямо со двора через комнату хозяев, а в самой комнате ни одного окна, лишь стеклянные фонари на потолке, через который, кстати, частенько залетала копать. Одна стена комнаты прилежала к лекарне и можно себе представить нашу жизнь: город южный, летом жара, а тут еще весьма "горячее" соседство", - вспоминала Х.Гаджибекова.

В материальном плане тоже было тяжело. Как вспоминала супруга Ниязи, он тогда получал в консерватории стипендию 70 рублей, 15 рублей из них платили за квартиру.

"Если я могла еще одеваться в одежду, вывезенную с помощью подруг от братьев, то денег на приобретение одежды для Ниязи, разумеется, не было. У него был один единственный костюм, который мы красили во все цвета сезона. А подкладка была в таком состоянии, что приходилось ее ремонтировать ежедневно. В галоси ушли газету в несколько рядов, чтобы они меньше промокали. И все-

таки мы были счастливы, ибо были молоды, у нас есть какая бы там ни была, но своя комната, и что у нас есть будущее", - рассказывала она.

В это время в Ниязи уже вовсю рвался наружу талант. Он ежедневно ходил с утра на занятия или на репетицию, и всегда много работал.

"Помню как-то ко мне подошел один из преподавателей консерватории, немецкий профессор Штрассер и сказал: "Мадам, я вас очень прошу, уговорите мужа перейти ко мне в класс дирижирования. Я убежден, что у него необыкновенные руки, и он будет очень знаменит, если будет заниматься". Этот разговор я передала Ниязи, он засмеялся и сказал: "Штрассер преувеличивает". Но после этого разговора я стала внимательнее приглядываться к мужу", - вспоминала Х.Гаджибекова.

А окончательный "перелом" произошел после одного случая.

"Представьте себе: стоит лето, в комнате жара, а тут Ниязи задумал заниматься, зажег свет, что-то выстукивает. Я было заворчала: "Потуши свет, хочу спать". А потом смотрю: он, не обращая на меня внимания, продолжает выстукивать вроде бы на пианино (у нас ведь тогда его не было). Что-то напеваает, потом выстукивает и записывает в нотной тетради. И я подумала: а может он действительно талантливый человек? И с тех пор стала помогать ему во всем, чем могла. А работал он в это время над своей, потом ставшей знаменитой "Закатальской сюитой". Вот так и работал: напеваает, выстукивает, записывает. А утром бегал в консерваторию, проверял написанное на рояль", - вспоминала Х.Гаджибекова.

Скончался великий Ниязи 2 августа 1984 года в Баку. Похоронен на Аллее почетного захоронения.